

А. Я. Г У Т М А Н Ъ
А Н А Т О Л І Й Г А Н Ъ

ГИБЕЛЬ НИКОЛАЕВСКА НА АМУРЬ

СТРАНИЦЫ ИЗЪ ИСТОРИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМЪ ВОСТОКЪ

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКІЙ ЭКОНОМИСТЪ“
БЕРЛИНЪ / 1924

ВСТУПЛЕНИЕ.

«Сахалинская область управлялась именовъ Россійской Соціалистической Федеративной Республики въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ 1-го марта по 2-ое іюня 1920 года. Въ этотъ промежутокъ времени представители совѣтской власти въ области разстрѣляли, закололи, зарѣзали, утопили и засѣкли шомполами и резинами всѣхъ офицеровъ, за исключеніемъ одного случайно спасшагося подполковника Григорьева, громаднѣйшую часть интеллигенціи, много крестьянъ и рабочихъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей. Уничтожили всю безъ исключенія японскую колонію съ японскимъ консуломъ и экспедиціоннымъ отрядомъ, сожгли и уничтожили до тла городъ Николаевскъ».

Этими словами начинается резолюція, вынесенная 16 августа 1920 года, Сахалинскимъ областнымъ съѣздомъ въ составѣ 71 представителя отъ населенныхъ мѣстъ области. Документъ этотъ среди другихъ помѣщенъ въ этой книгѣ. Въ краткихъ и безхитростныхъ выраженіяхъ, собравшіеся на николаевскихъ пепелищахъ русскіе люди, потерявшіе своихъ близкихъ и свое достояніе, хотѣли рассказать міру свою страшную трагедію.....

Все, что до сихъ поръ приходилось читать о звѣрствахъ агентовъ совѣтской власти, какъ и о другихъ кровавыхъ эпизодахъ изъ исторіи мрачныхъ эпохъ человѣчества, — блѣднѣетъ передъ ужасами, творившимися въ Николаевскѣ на Амурѣ.

Городъ, создававшійся три четверти вѣка усиліями многихъ поколѣній русскаго народа, разрушенъ былъ до основанія. Населеніе же его почти цѣликомъ уничтожено. Количество убитыхъ во время разгрома исчисляется официально около 6000 человѣкъ, но фактически погибло значительно больше. Вошедшія въ началѣ іюня мѣсяца въ городъ японскія войска нашли догоравшее пепелище и гниющіе на улицахъ трупы людей.

Все это совершили русскіе люди, — коммунисты, агенты совѣтской власти, принеся съ собою въ далекій и заброшенный край кровавые лозунги III Интернаціонала: уничтоженія буржуазіи, интеллигенціи, офицерства. Къ прискорбію за ними пошли русскіе рабочіе и крестьяне, пошелъ также и каторжный сбродъ, пошли полудикіе инородцы, корейцы и китайцы. Кровь

полилась ручьями, цвѣтущій богатый городъ былъ буквально превращенъ в руины. Перо безсильно начертать подлинную картину кромѣшнаго ада, творившагося въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ на далекой нашей окраинѣ, отрѣзанной отъ Бога и людей. Даже Везувій, разрушившій Помпею, былъ милостивѣе къ населенію, чѣмъ красные партизаны. Населеніе Помпеи имѣло возможность бѣжать.

Многую собраны въ настоящемъ трудѣ многочисленные документы, среди которыхъ тридцать три показанія очевидцевъ и пострадавшихъ отъ кровавыхъ преступленій, чудомъ уцѣлѣвшихъ отъ гибели. Эти безстрастные документы, лучше всякихъ художественныхъ красокъ, рисуютъ средневѣковые ужасы на далекомъ Сахалинѣ. При чтеніи этихъ документовъ захватываетъ духъ и кровь стынетъ въ жилахъ... Разсудокъ отказывается вѣрить, на что способенъ человѣкъ, лишенный моральныхъ устоевъ, совѣсти и чувства гуманности, превратившійся въ кровожадного звѣря... Въ Сахалинской области разыгрался необычный актъ трагедіи гражданской войны. На землю спустился самъ сатана и справилъ свой кровавый пиръ. Онъ надругался надъ человѣкомъ и всѣми его учрежденіями, его культурой, моралью и совѣстью. Онъ показалъ, что нѣтъ «страшнѣе звѣря — человѣка въ его гнѣвѣ».

* * *

Николаевскія преступленія, какъ читатели убѣдятся изъ предлагаемаго матеріала, подготовлены были совѣтскимъ правительствомъ и выполнены его агентами на Дальнемъ Востоку. На Сахалинѣ все было скопировано по образцу Москвы и Петербурга. И революціонный штабъ, и чрезвычайка съ революціоннымъ трибуналомъ, и совнархозъ, и многочисленные комиссаріаты, націонализація, конфискація имущества и капиталовъ, печатаніе денежныхъ знаковъ. вмѣсто штаба Льва Троцкого, — былъ штабъ Якова Тряпицына, вмѣсто эротоманки Колонтай, — была садистка Нина Кіяшко, вмѣсто Дзержинскаго были палачи: Комаровы, Бичъ, Гетманъ, вмѣсто Лациса и Петерса, были Случайный, Будринъ, Дылдинъ и др... Вмѣсто латышей и китайцевъ выполнявшихъ въ Москвѣ роли техническихъ палачей, — были корейцы, гиляки и китайцы. Были къ прискорбію и русскіе рабочіе и русскіе крестьяне...

Тѣ же прокламаціи и лозунги, тѣ же митинги, тѣ же органы печати и тѣ же учрежденія смерти, какіе были въ центрѣ. Тѣ же кровавыя формулы декретовъ и приговоровъ смертныхъ казней В. Ч. К. Тѣ же журналисты воспѣвающіе «диктатуру пролетаріата». Тотъ же кровавый стиль. И если бы не уничтоженіе красными палачами японцевъ, то исторія Николаевска на Амурѣ попала бы въ общую лѣтопись кровавыхъ преступ-

леній совѣтской власти. Кто знаетъ, всѣ ли подробности кошмарныхъ казней были бы освѣщены. Какъ и Дзержинскій, — его соратникъ Тряпицынъ убивалъ тысячи русскихъ людей во славу ученія Маркса, во славу коммунистическаго Интернаціонала. Онъ подражалъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, всему, что его товарищи дѣлали въ Одессѣ, Кіевѣ, Петербургѣ, Ярославлѣ, Москвѣ, Перми, Сарапулѣ, Екатеринославлѣ и т. д. И тутъ убивали тысячами въ застѣнкахъ чека и совѣтскихъ тюрьмахъ. Кровавая лѣтопись русскихъ городовъ плѣненныхъ коммунистами ждетъ своего историка. Но въ Николаевскѣ, рядомъ съ русскимъ населеніемъ, зарѣзана, звѣрски уничтожена вся японская колонія, около 700 человѣкъ, и только благодаря этому русскіе и иностранцы получили возможность узнать всю жуткую правду о николаевскихъ ужасахъ.

*

Японское правительство считало себя вправѣ въ видѣ репрессалии за убійство своихъ подданныхъ, аннексировать весь нашъ сѣверный Сахалинъ, ввести тамъ свое военное управленіе.

Россія не только потеряла много тысячъ своихъ гражданъ и на сотни милліоновъ рублей достоянія, но лишилась части своей богатѣйшей области. За кровавыя преступленія совѣтской власти, лицемерную политику японскаго правительства, русскому народу предъявленъ къ оплатѣ большой счетъ, въ видѣ отторженія огромной территоріи.

Излагая фактической матеріалъ николаевскихъ событій, я останавливаюсь подробно на роли японскаго правительства въ этихъ событіяхъ. Японія ставитъ николаевскія событія во главу угла соглашенія съ совѣтской Россіей. Она требуетъ отъ совѣтскаго правительства не платоническаго извиненія за убійство 700 японцевъ, — но серьезныхъ матерьяльныхъ компенсацій за счетъ русскаго народа. Несомнѣнно, что какое правительство въ Россіи ни станетъ у власти, ему придется тягаться съ Японіей и требовать отъ нея очищенія захваченныхъ территорій.

Вотъ почему, особенно важно для интересовъ нашего національнаго дѣла освѣтить роль Японіи въ николаевской катастрофѣ.

Японскій гарнизонъ въ Николаевскѣ составлялъ часть всей японской экспедиціонной арміи, участвовавшей въ сибирской интервенціи, и оперировавшей въ Сахалинской области. Обзоръ операцій всѣхъ японскихъ отрядовъ, въ совокупности дѣйствовавшихъ на русской Дальневосточной территоріи, какъ и общей линіи поведенія японскаго правительства въ интервенціи и даетъ возможность понять причины гибели японскихъ солдатъ, японскаго и русскаго населенія.

*

Матерьялы Николаевской трагедіи стоятъ того, чтобы русскій народъ и его интеллигенція изучали ихъ во всѣхъ деталяхъ. Они показываютъ какой пороховой погребъ представлялъ собою нашъ невѣжественный народъ. Мы лишній разъ убѣждаемся, что подъ тонкимъ слоемъ внѣшней культуры и просвѣщенія, пребывавъ первобытный, полудикій, способный на утонченнѣйшія звѣрства народъ.

Правда, банды оперировавшія въ Сахалинской области, состояли частью изъ уголовныхъ каторжанъ, освобожденныхъ Керенскимъ, частью изъ дѣтей ссыльно-каторжныхъ поселенцевъ Сахалина, частью изъ китайцевъ, гиляковъ и корейцевъ, но идейными руководителями и вождями этихъ бандъ были ученики Ленина, Троцкаго, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Покровскаго и др., усвоившіе всѣ приемы своихъ учителей. Активными участниками звѣрствъ были мирные русскіе земледѣльцы и рабочіе — этого факта не выкинуть изъ нашей исторіи.

Разбойничьи банды находили сочувствіе въ мирномъ крестьянскомъ населеніи, снабжавшемъ ихъ всѣмъ необходимымъ, помогавшемъ имъ грабить и убивать городское населеніе, помогавшемъ имъ во всѣхъ звѣрствахъ, находили сочувствіе въ рабочемъ классѣ, въ нѣкоторыхъ кооператорахъ, пользовавшихся плодами кровавыхъ преступленій. Среди партизанъ устраивавшихъ массовыя рѣзни въ тюрьмахъ и на Амурѣ, — были русскіе крестьяне, пріѣзжавшіе на подводахъ въ городъ, чтобы увезти домой награбленное для нихъ совѣтской властью, были и рабочіе, и бывшіе народныя учителя, и бывшіе политическіе ссыльные.

Какой это беспощадный, обвинительный матерьялъ противъ идеологовъ партизанскаго движенія, противъ «народолюбцевъ», воспѣвавшихъ крестьянскіе погромы и звѣрства... Пугачевы «окончившіе университетъ» еще до сихъ поръ восхваляютъ доблести енисейскихъ, приморскихъ и амурскихъ партизанъ, уничтожавшихъ интеллигенцію, полуинтеллигенцію, стариковъ и дѣтей, совершавшихъ звѣрства во имя борьбы съ «диктатурой адмирала Колчака».

Въ николаевской трагедіи исторія дала намъ еще одинъ яркій штрихъ изъ революціонной эпохи Россіи. Она разоблачила лживую, полную демагогическаго пафоса лесть по адресу народныхъ низовъ, ту лесть, которой профессиональные глашатаи революціи продолжаютъ отравлять душу народа.

Отъ культурной Москвы, духовнаго мозга русскаго народа, до далекаго Сахалина, — грани человѣческой культуры, духовная зараза, принесенная намъ кровавой революціей, методически дѣйствовала по одному образцу. Человѣческими труппами усѣянь скорбный путь отъ Варшавы до береговъ Тихаго океана.

Культурный міръ мало знакомъ съ исторіей гражданской войны въ Сибири и на Дальнемъ Востокѣ. Меньше всего зна-

ютъ здѣсь о разрушеніи богатаго промышленнаго города, о трагической судьбѣ многихъ тысячъ русскихъ людей.

Николаевскія событія являются однимъ изъ звеньевъ цѣпи, заключающей исторію трехлѣтней гражданской войны въ Сибири, надъ которой я работаю. По техническимъ условіямъ, чрезвычайно сложной и отвѣтственной работы надъ матерьялами и документами эпопеи Омскаго правительства, я еще къ сожалѣнію не успѣлъ сдѣлать свой трудъ достояніемъ гласности. На дняхъ выходитъ первый томъ, охватывающій періодъ гражданской войны, отъ Волги до Омской катастрофы. Остальная работа, въ особенности второй томъ книги, посвященный союзнической интервенціи, готова къ печати и также скоро увидитъ свѣтъ.

Я спѣшилъ выпустить эту книгу для того, чтобы міръ познакомился еще съ одной кровавой страницей дѣятельности совѣтскаго правительства.

Николаевскъ на Амурѣ по дикому избіенію тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, включая грудныхъ дѣтей, по утонченнѣйшимъ пыткамъ большевистскихъ палачей, представляетъ собою апофеозъ совѣтскаго режима.

Я увѣренъ, что какъ ни зачерствѣли въ наше время сердца людей, читатель, кто бы онъ ни былъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, — лѣвый или правый, русскій или иностранецъ — если въ немъ живетъ человѣческое сердце, если онъ еще способенъ возмущаться, не пройдетъ мимо вопіющихъ къ небу николаевскихъ преступленій.

Исторію гибели Николаевска можно было бы, право, написать человѣческой кровью... Такъ много ее тамъ пролито. Во имя чего?

Пусть отвѣтятъ на это сами читатели.

А. Гань.

Шарлоттенбургъ, январь 1924 г.

Яковъ Тряпицынъ. Глава красныхъ партизанъ уничтожившихъ Николаевскъ

*Нина Кіляко-Лебедева
Начальникъ штаба Тряпицына*

Штабъ Тряпцына. Въ центрѣ: Тряпцынъ и Нина Кіашко

Амурские партизаны

обращать на себя вниманіе. Мы шли по улицамъ держа въ одной рукѣ мѣшочекъ съ сухарями, а въ другой раскрытую небольшую склянку съ ціанистымъ кали. Мы благополучно прошли городъ, кладбище и скрылись въ близъ лежащихъ кустахъ».

«

По показаніямъ оставшихся въ живыхъ жителей города Николаевска и бѣжавшихъ 30, 31 мая и 1 іюня, событія развертывались въ слѣдующемъ порядкѣ. — Аресты не прекращались все время ни на минуту. 24 мая часовъ въ 7-8 вечера въ городѣ раздался звукъ набата, и затѣмъ минуты черезъ двѣ въ сторонѣ тюрьмы послышались многочисленныя выстрѣлы. «Набатъ и выстрѣлы я слышалъ», рассказываетъ одинъ очевидецъ «идя отъ города по тайгѣ». Причина этого была слѣдующая: Тряпицынъ распустилъ слухъ будто японцы, содержашіеся въ тюрьмѣ, получивъ какимъ то образомъ спички, рѣшили поджечь тюрьму съ цѣлью воспользоваться суматохой и бѣжать, за что и были разстрѣляны частью на мѣстѣ, а человекъ 60 — 80 убиты на берегу Амура. Убійство этихъ несчастныхъ совершалось штыками и топорами. Японцы, какъ милости просили, чтобы ихъ разстрѣливали, а не кололи: «русска стрѣляй», «русска стрѣляй» — кричали, не бояшіеся смерти, солдаты. Трупы ихъ бросили въ Амуръ. Въ этотъ вечеръ перебиты и заключенные въ тюрьмѣ русскіе. Жившіе вблизи тюрьмы не имѣли достаточно словъ для описанія того, что тамъ происходило. Стоны, вопли раненыхъ, заглушаемые выстрѣлами, переплетались съ звѣрскими выкриками партизанъ, опьяненныхъ отъ проливаемой крови; звуки ударовъ по тѣламъ какъ то болѣзненно улавливались слухомъ, а воображеніе, измученное всѣми ужасами, наполнявшими городъ Николаевскъ, рисовало душераздирающую картину. Люди, заткнувъ уши, съ расширенными отъ ужаса глазами, бѣжали блѣдные какъ полотно изъ своихъ квартиръ, бѣжали куда глаза глядятъ, только бы не слышать ужасныхъ звуковъ, которые неслись изъ ограды тюрьмы.

26 мая большевики рѣшили принять мѣры къ тому, чтобы оставшіеся врачи не разбѣжались. 27 мая всѣ врачи, фельдшера, фармацевты и весь медицинскій персоналъ были собраны въ одномъ домѣ, откуда нигде не выпускались. Что пережили эти люди за это время, понятно каждому. Наконецъ, имъ приказали отправиться изъ города съ имуществомъ больницъ, аптекъ подъ флагомъ краснаго креста. Каждый день изъ города вывозились жители и грузы на Керби и Амгунь. 28 мая началось поголовное истребленіе оставшихся жителей. Арестовывали въ домахъ и на улицѣ, приводили въ слѣдственную комиссію, тамъ связывали руки и оставляли ожидать «составленія партіи», какъ выражались большевики. Послѣ того, какъ

партия достигла 20-30 человек, ее уводили на катер, который увозил связанных на середину Амура и тут, после удара колотушкой по голове, арестованных сбрасывали в реку.

28 и 29 мая, покончив почти со всеми жителями, партизаны приступили к уничтожению самого города. В первую очередь стали поджигать рыбалки, находившиеся против города. Это работа отняла весь день 28 мая. 30-го был подожжен лесопильный завод Рубинштейна, золотоплавильная лаборатория, а 31 мая весь город представлял из себя сплошное море огня. Огонь перебрасывался и на тайгу, начался треск сухого дерева. Тучи дыма окутывали местность. Солнце представлялось раскаленным красным шаром. Кругом падал пепел. И из этого шума резко выделялись винтовочные выстрелы — одиночные, следующие один за другим с различными по продолжительности промежутками. Время от времени раздавались оглушительные взрывы».

Эвакуация закончилась еще одним выдающимся зверством большевиков, которому с трудом можно было бы верить, если бы не показания свидетелей. Большевики объявили, что для получивших разрешение на выезд из города будет подана баржа, которая пойдет на Керби. На пристань стали сходить остальные населения в ожидании посадки на баржу. Одновременно партизаны стали развозить по городу банки с керосином, а под каменные здания подкладывать заряды динамита и пороха. По сигналу из штаба подожгли сначала близ расположенные рыбалки, а затем и самый город, продолжая убивать всех тех, кто не успел еще оставить его или где-нибудь спрятаться. Секта евангелистов решила остаться в городе. Когда она собралась в своей молельне, то узнавшие о том партизаны приближали к зданию и, заперев снаружи двери, подожгли его. Только благодаря тому, что один из партизан вернулся и открыл двери, евангелистам удалось выбраться из объятаго пламенем здания и спасти свою жизнь. В тех случаях, когда поджигатели видели, что достигнуты в домах жертвы, ища спасения, выбрасывались из окон, они их добивали. Все собравшееся на пристани население (около 500 стариков, женщин и детей) погрузили на баржу, вывезли на середину реки и там потопили баржу со всеми на ней находившимися людьми.

1-2 июня — рассказывает в своей брошюре г. Чиликин, — начали сгонять народ на Алексеевскую пристань, якобы для отправки в Керби. Пристань была перегружена народом. На ней собралось несколько сот человек, при чем преобладали женщины и дети. По приказу Тряпицына пристань была взорвана и все находившиеся на ней погибли.

Один из жителей, скрывавшийся под этой пристанью несколько дней, видел, как с 11 часов ночи и вплоть до рассвета на пристань привозились партиями городские жители

человек по 40 — 50 — 70. Тут же на пристани их зверски избивали прикладами, шашками, кололи штыками...

— Слышны были только глухие удары, нечеловеческие выкрики, стоны, мольбы, но все напрасно... удары сыпались за ударами, и «друзья народа» молча и неустанно работали. Слышалось только хрустящие кости и падение тел, которыми наполнялся кунгас. Привозили одну партию, ее сменяла другая, затем третья, и так продолжалось до утра, а затем после дневного отдыха «работа» продолжалась снова.

Этот живой свидетель красных зверств вышел из под пристани только на шестой день, так как он увидел, что под углы пристани были подложены мины, затем взорванная.

Убивая горожан, партизаны в то же время не разрешали их родным брать тел и передавать их погребению.

Некоторые, рискуя жизнью, пробирались по ночам на берег Амура, воровали тела своих близких, и, рискуя ежеминутно получить пулю от дежуривших партизан, уносили тела в город и там предавали их земле.

В пламени Николаевского пожара и в окрестностях погибло, между прочим, шесть православных церквей. Красные не пощадили старых могил, находившихся в ограде собора. Ограды и решетки памятников сломаны, могилы забросаны мусором. Из всех домов города уцелели ремесленное училище и тюрьма. Этот страшный дом человеческой юдоли и страданий большевики почему то предупредительно оставили.

В числе других граждан погибли священники: Серапион Черных, Николай и Рафаил Воецкие. Один священник утоплен в р. Амур; в уезде убито пять священников. Почти всех священников мучили и поролы шомполами.

Пороть шомполами по голому телу — был один из излюбленных способов пытки. Когда ходили по домам, ища золота, прибегали часто к этому способу.

Не лучшая участь постигла Николаевские школы и учительский персонал. Прочные здания училищ, которые нельзя было сжечь, взрывали. Учителей преследовали по списку, составленному их же товарищами, примкнувшими к большевикам. Многие из них убили.

Чтобы закончить эту главу крови, остается процитировать отдельные места из свидетельских показаний и других данных опубликованных в дальневосточной печати:

«Людей живыми жгли, живыми топили, живым отскакали руки и ноги, живым вбивали гвозди в тело».

Официальное сообщение японского правительства*) сообщало, что всего собрано по берегамъ Амура сто двадцать семь выброшенныхъ труповъ. У большинства имѣлись раненія и поврежденія отдѣльныхъ членовъ.

То же сообщеніе японскаго штаба свидѣтельствовало, что около де-Кастри, при высадкѣ тамъ японскихъ войскъ, было найдено 18 труповъ съ отсѣченными руками, ногами и головами. (Это вѣроятно трупы отряда полк. Вица).

Что людей сжигали живыми, объ этомъ свидѣлствуютъ сообщенія о найденныхъ въ сгорѣвшихъ домахъ обгорѣвшихъ труповъ. Вбивали гвозди въ плечи офицеровъ и это называлось «производство въ слѣдующіе чины» плѣнныхъ офицеровъ. Это было любимой пыткой большевиковъ.

Людей привязывали къ двумъ лошадямъ за ноги и затѣмъ лошадей гнали кнутами въ разныя стороны.

Официальное сообщеніе японскаго штаба гласило: На улицахъ Николаевска найдены были трупы, у которыхъ объѣдены бродячими собаками носы, уши и прочія части тѣла; у нѣкоторыхъ вывалились внутренности.

Въ газетѣ «Осака Майничи» была помѣщена фотографія груды обнаженныхъ труповъ, въ томъ числѣ и женскихъ, объѣденныхъ собаками. Два трупа найдены въ обгорѣвшемъ зданіи японскаго консульства. Въ одномъ изъ нихъ узнали трупъ консула (по медали, которую онъ постоянно, не снимая, носилъ на груди).

Дѣвушки-гимназистки (по нѣкоторымъ сообщеніямъ около 50 чел.) были взяты въ казармы, гдѣ ихъ заставляли прислуживать и затѣмъ многихъ растлили. Противившихся убивали сразу, отдавшихся потомъ также убивали. То же дѣлали съ изнасилованными и противившимися женщинами. Одну женщину, жену извѣстнаго Николаевскаго дѣятеля, взяли въ казармы, заставили служить, и когда она стала противиться, потащили на рѣку Амуръ. Ее заставляли прорубать для себя прорубь. Она и это отказалась дѣлать: «Лучше убейте меня сразу» — сказала несчастная жертва. Нашелся «добрый» человѣкъ и пристрѣлилъ ее.

Нѣкоторымъ наливали холодной воды въ ротъ а пока они не замерзали. Заставляли раздѣваться до гола на морозѣ; водили въ такомъ видѣ по городу и затѣмъ топили въ Амурѣ.

Трупы, конечно, ограбляли и надъ ними надругались.

Одинъ мастеровой создалъ себѣ особаго рода — «золотой промыселъ». Онъ взялъ зубило и молотокъ и ходилъ выбивать изъ зубовъ покойниковъ золотыя пломбы.

*) «Tokyo Asahi».

Корреспондентъ «Дѣла Россіи» Н. Амурскій, первый встрѣтившій спасенныхъ Николаевцевъ на пароходѣ въ Японіи, между прочимъ писалъ:

«Большевики, избивая дѣтей, проповѣдывали при этомъ особую теорію: убивъ родителей, необходимо уничтожить и дѣтей, возрастомъ свыше пяти лѣтъ.

До пяти лѣтъ онъ можетъ забыть. А если оставить такого, которому свыше пяти, со временемъ можетъ еще мстить, разсуждали партизаны. И дѣти гибли вмѣстѣ съ родителями.

Здѣсь существуетъ страшный разсказъ о томъ, какъ палачи, взявши ребенка за ноги, колотили головой о стѣну или о полъ...

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ изъ мѣстныхъ реалистовъ. По его словамъ, изъ 360 человѣкъ учениковъ мѣстнаго реальнаго училища осталось не болѣе 50. Правда, часть изъ нихъ ушла по принужденію въ Амгунь, но, несомнѣнно, многіе погибли въ Николаевскѣ и въ области. Нѣтъ также многіхъ гимназистокъ. Ихъ судьба была еще печальнѣе... Много дѣтей утоплено въ Амгуни.

Дѣти бывшіе въ пріютѣ были посажены на баржи, отвезены на середину рѣки и тамъ выброшены за бортъ.

Многочисленны случаи гибели большихъ семей, въ которыхъ было по нѣсколько маленькихъ дѣтей.

На одномъ участкѣ въ городѣ, гдѣ все сгорѣло, стоитъ большой крестъ, на которомъ значится, что тамъ убито семь человѣкъ — это мать съ шестью дѣтьми!

По разсказу студента Налетова, его отца, мать, маленькихъ сестру и брата увели разстрѣливать вмѣстѣ.

А краснорѣчивѣе всего говорятъ выносимые на поверхность воды маленькіе трупики. Когда нашли трупъ владѣлицы шхуны Назаровой, у нея къ рукамъ и ногамъ были привязаны дѣти. Три изъ дѣтскихъ тѣлецъ держались, четвертое оторвалось. На одной рукѣ былъ узелъ, указывавшій, что и къ ней былъ привязанъ ребенокъ...

Японцы нашли трупъ беременной женщины, у которой разрѣзы на животѣ, вытащены руки и ноги младенца...

Однажды, когда разстрѣливали одновременно мать, отца, сына и дочь, произошло слѣдующее:

Палачи взяли высоко. Мать и отецъ пали сразу. Дѣтей пули превысили, и они послѣ перваго залпа остались живы... Ихъ убили послѣ того, какъ дѣти видѣли смерть родителей...

Однажды вели на казнь отца, мать и двухъ дѣтей: дѣвочку и мальчика.

Дѣвочка громко плакала, а мальчикъ не проронилъ ни слезинки. — «А ты что не плачешь?», обратился къ мальчику конвойный партизанъ, «развѣ не боишься умереть?»

«А чего бояться — вѣдь все равно когда нибудь да нужно умирать», отвѣчалъ безстрашный мальчикъ.

Онъ былъ дѣйствительно убитъ вмѣстѣ со своими родителями.

— «Мама, мама», — плачетъ, бывало, маленькое безпомощное существо. И въ отвѣтъ слышитъ грубый голосъ партизана:

— «Не плачь. Что ты реवेशь? Я тебѣ буду мамой.

Всего погибло около 600 дѣтей.

Десятки труповъ дѣтей запечатлѣны на фотографическихъ снимкахъ, и много ихъ всплыветъ еще на поверхность р. Амура и будетъ выброшено на берега.

* *
*

«Въ день моего прїѣзда въ Николаевскъ н. А.», пишетъ Чиликинъ, «мнѣ сразу же пришлось видѣть жуткую картину:

Амуромъ былъ выброшенъ на берегъ трупъ молодой женщины на видъ 26-27 лѣтъ, къ ея рукамъ и ногамъ было привязано четверо дѣтей.

Звѣри-партизаны, не желая разлучать мать съ дѣтьми, связали ихъ вмѣстѣ и бросили въ рѣку.

Желѣзные, нечеловѣческіе нервы надо имѣть, пишетъ г. Чиликинъ, посѣтившій Николаевскъ въ июль, мѣсяцъ послѣ разгрома, чтобы выслушивать страшные рассказы жителей. Больно, нестерпимо больно смотрѣть на этихъ несчастныхъ, часто полумумныхъ часто не могущихъ владѣть собой, людей. Бѣдные несчастные люди... Столько выстрадать, столько пережить. У того зарѣзано восемь душъ дѣтей, у другого пять, — у третьихъ на глазахъ закололи жену и отрубили голову трехлѣтнему сыну... На Невельской улицѣ ко мнѣ подбѣжала дама. Видъ у нея жуткій. Старая мужская крылатка, наброшенная на почти голое тѣло. Ботинки мужскія, какъ я потомъ узнаю, ея бывшего повара китайца. Вотъ здѣсь же на Невельской улицѣ у нея сожгли два дома. Два раза ее арестовывали и два раза она спасалась. Помогалъ ей поваръ китаецъ. Ночью, прячась съ сестрой и старымъ семидесятилѣтнимъ отцомъ въ кустахъ, она видѣла, какъ истязали, кололи и рѣзали ея друзей и знакомыхъ.

Отецъ сошелъ съ ума, сестра тоже. Сейчасъ сидятъ дома — хохочутъ. А она, она вотъ сидитъ тутъ на улицѣ со мной на развалинахъ своего бывшего дома. Сидитъ и рыдаетъ».

* *
*

Одинъ изъ жителей, арестованный партизанами, просидѣвъ 8 дней въ тюрьмѣ, такъ передаетъ свои впечатлѣнія:

Въ первый день въ тюрьмѣ всѣ офицеры и представители буржуазіи были подвергнуты тѣлесному наказанію. Пороли не нагайками, но шомполами. Каждому давали по нѣсколько десятковъ, а то и сотенъ шомполовъ. Такъ поручику Токареву досталось 600 шомполовъ. Затѣмъ ему партизаны проломили голову ногами. Исключения не дѣлалось даже и для женщинъ. Такъ были подвергнуты страшной поркѣ г-жа Бацевичъ и мать инженера Комаровскаго.

Всѣ допросы и показанія сопровождались пытками и истязаніями. Съ арестованныхъ, когда ихъ отправляли въ тюрьму, снималось все верхнее платье, и они шли только въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, босикомъ по снѣгу въ сильный морозъ. Полученное такимъ образомъ платье распределялось «друзьями народа» тутъ же между собой.

* *
*

Особой жестокостью отличался начальникъ тюрьмы Жимайтисъ.

17-го мая въ офиціозѣ Тряпицына было опубликовано воззаніе, которое съ достаточной яркостью характеризуетъ его самого и его доблестныхъ соподвижниковъ.

ТОВАРИЩИ РАБОЧІЕ И КРЕСТЬЯНЕ!

Послѣ паденія власти Колчака, побѣдивъ его контръ-революціонныя банды, наши партизанскіе отряды вступили въ Николаевскъ и были увѣрены, а вмѣстѣ съ ними и все населеніе, что реакція задушена, и намъ не грозитъ опасность со стороны буржуазіи и японцевъ, и что на Дальнемъ Востокѣ утвердилась совѣтская власть.

Но враги, казавшіеся намъ сломленными и разбитыми, вновь показали свое ядовитое жало, еще разъ сдѣлали попытку задушить нашу свободу. Представители буржуазіи — земцы и офицеры — захватили путемъ провокаціи, лжи и притворства власть въ свои руки и, чтобы удержать эту власть, обратились къ своимъ всегдашнимъ союзникамъ — японцамъ, вошли съ ними въ соглашеніе и продали за это Дальній Востокъ японцамъ.

Чтобы обмануть крестьянъ и рабочихъ, они стали увѣрять всѣхъ, что японцы — друзья русскаго народа, что они не питаютъ никакихъ захватническихъ стремленій и дѣлаютъ все изъ любви къ русскимъ.

Но творящіеся Дальняго Востока слишкомъ хорошо знаютъ любовь японцевъ — они испытали ее на своей шкурѣ.

Путь, по которому ходили японцы, покрыты сотнями обезображенныхъ труповъ, истерзанныхъ и разстрѣлянныхъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей. Путь этотъ долго будетъ памятенъ намъ по развалинамъ сожженныхъ селъ и деревень, по той тяжелой сердечной боли о безвременно мученически погибшихъ

Я сын купца, мнѣ 39 лѣтъ, служу в Т/Д «Братья Люри». — Войдя в город, партизаны сразу объявили себя хозяевами всего. Прежде всего они заняли казенныя учрежденія и банки. На второй день по приходѣ, они объявили, что всѣ служащіе считаются мобилизованными и должны оставаться на своих мѣстах у порученных им дѣл. Но фактически это осуществить было невозможно, так как всѣ конторы и учрежденія были заняты партизанами, и работа была невозможна. По крайней мѣрѣ, когда я пришел с другими служащими в нашу контору, не только приступить к работѣ, но даже и подойти к столам было нельзя. Контора была занята отрядом партизан-китайцев, свыше ста человек, под начальством нѣкоего «Громобоя». С перваго же дня начались аресты. Арестовывали без всякой видимой причины: по оговорам как пришлых партизан, так и мѣстных обывателей. Брала без всякаго мадата или предписанія. Понравилось одному вас арестовать — арестовывали, захотѣлось другому осебодить — осебоджали. Арестовывали не только буржуазію, интеллигенцію или крупное чиновничество, но всѣх без разбора, арестовывали: и мелких служащих почтово-телеграфных, и таможенных и других, мелких приказчиков, рабочих. Арестовали всю комендантскую команду, многих военных телеграфистов и телефонистов. До 10 числа мы о казнях не слышали, но 10 числа я узналъ от партизан, что в ночь с 9 на 10-е февраля было разстрѣляно 33 человекъ офицеров. Я сам видѣлъ, как издѣвались над трупами офицеров: Слезкина, фондер-Лауница и Андреева — первых двух, застрѣлившіхся при входѣ партизан, а третьяго, Андреева, застрѣленного партизанами в спину: ругались матерно, топтали ногами, рубили шапками, кололи штыками. Особенно отличился нѣкій Леодорскій, один из их командиров, убившій внослѣдствій, во время японскаго выступления, нотариуса Козлова и старуху Войнерман.

В ночь с 11 на 12-е февраля выступили японцы. Еще 10-го в городѣ был слух о том, что Тришцын предложил японскому командованію, в виду того, что японское правительство заявило о своем полном нейтралитетѣ, и так как ни один японскій подданный до сего времени не пострадал, и что есть полная гарантія что не пострадает и впредь — сдать оружіе. Когда партизаны вошли в город, они были очень обозлены против японцев, так что хотя потом японцы и весьма предупредительно относились к крас-

ным и даже как бы заигрывали с ними, все-таки, очевидно было, что отношение красных к ним враждебно. Как передавали, японцы на предложение сдать оружие ответили, что им необходимо собрать военный совет и обсудить это предложение. Вечером 11-го Наумов, бывший тогда начальником штаба, в очень резкой форме звонил Исикава по телефону, что назначенный срок истек, что, если завтра 12-го к 11 часам оружие не будет сдано, то он примет те меры, которые признает необходимыми. Это я слышал в штабе партизан. Японское выступление началось в 3 часа ночи. Мы были разбужены звуками выстрелов, слышны были взрывы ручных гранат, видно было зарево. Я сразу понял, что это наступили японцы. На разсвете к нам забѣжали партизаны, спрашивают, где ли у нас японцев — военных или штатских. Обсуждали ведаѣ, в подпольѣ, на чердакѣ и т. д. Партизаны заглядывали нѣсколько раз. Заставили кормить те их части, которые потеряли связь с своими кухнями. Как я слышал потом, партизанам в это время было перебито много русских под тем предлогом, что у них скрывались японцы, и что из их домов стрѣляли. Забѣгали в дома, занимавшіеся мирными японцами, требовали от них цѣнностей и потом убивали. Гражданская японская колонія не только не принимала участие в выступлении, но даже и не знала о нем. Предупреди японское командование японскую колонію и вооружи ее, ничего того, что произошло, не было бы. Партизанам никогда тогда бы не удержаться, так как тогда, несомнѣнно, они могли бы освободить заключенных в тюрьмѣ, в милиціи и на гаупвахтѣ, которых к тому времени было свыше 800 человек. Японская колонія была вся перебита, не исключая женщин и дѣтей. Заключенные все были перебиты, частью в 12 часов с 11-го на 12-е, еще до японского выступления, — я сам слышал, как провели многих, а потом выстрѣлы и удары и крики; частью потом с 13-го на 14-е. Я был в это время в госпиталь, куда свозили своих раненых партизан, и в окно видѣл, как из тюрьмы провели двѣ группы, одна женщины, человек 30-35, вторая мужчин — человек 60. Всѣх вели в одном бѣльѣ. Первую группу провели около половины первого, а вторую часа в три ночи. Через нѣсколько часов послѣ второй группы по тому же направлению провезли 15 подвод, наполненных трупами. В госпиталь один раненый партизан, нѣкій Лаптев — крестьянин деревни «Бровцынка», показывал мнѣ серебряный портсигар и золотыя очки и говорил, что это он снял с убитого им маіора Исикава.

В тюрьмѣ обращались крайне жестоко. Как только приводили в тюрьму, сейчас же арестованных раздѣвали до бѣлья и партизаны дѣлили платье. В тюрьмѣ страшно истязали: так сильно били инженера Комаровскаго и его мать женщину лѣтъ 50-55, поручика Токарева (его истязали до того, что, превращенный в кровавую массу, он сошел с ума и ѣл солому), мѣстнаго купца Еремкина, Гроша, нѣкую Марію Николаевну (фамилію не знаю) служившую янобы в контр-развѣдѣ. Комаровскаго бил начальник тюрьмы Джомайтис. Сильно уродовали, так Полосухина изуродовали так, что нельзя было узнать его. Все это я слышал от партизан, а также от арестованных, которым потом удалось освободиться. Били шомполами, плетью, резинами и прямо кулаками. Моего квартиранта — военного телеграфиста, который сам был полубольшевик и очень радостно встрѣтил приход красных, забили пальками на дворѣ тюрьмы. Арестовали его на третій день прихода, арестовали не дома; потом пришли дѣлать обыск: вещи его все раздѣлили, платье тотчас надѣвали на себя, цѣнное все разложили по карманам. У него, как у военного телеграфиста, лежал кусок резины: длиной аршина полтора, шириной с вершок и толщиной около полувершка. Взяли его. Спрашиваю: «Зачѣм это вам?» «На ного-нибудь пригодится» — отвѣчал партизан.

Я уѣхал из Николаевска 23 мая, так как меня предупредили, что я буду арестован, мою фамилию видѣли в списокѣ. Два дня я скрывался в китайской прачешной, а затѣм знакомый китаец провел меня, переодѣтаго в китайское платье, на лодку и отвез в Маго, куда они уже раньше переправили мою семью. Китайскія военныя власти ничего не предпринимали для спасенія города или жителей. О том, что город предположено сжечь, я знал ранѣе, так как партизаны рассказывали, что Тряпичин в рѣчи при отпращиваніи первого эшелона в Тыр сказал: «За тыл вы не бойтесь, послѣ меня здѣсь останется пепел, а с мѣтными бѣлыми гадами, бѣлогвардейцами и контр-революціонерами я раздѣлаюсь». Насилія над женщинами были. Я знаю, что командир корейской роты Рыжев изнасиловал дочь рыбопромышленника Райцына (ее и всю ея семью, не исключая и малолѣтних дѣтей, потом утопили с баржи в Амурѣ), а на другой день ее заставили пѣть в концертѣ. Они изнасиловали учительницу в колоніи прокаженных. Принужденіем же и угрозами они заставляли многих жить с ними. Так, когда послѣ убійства мужа отравилась жена нотаріуса Козлова (сам он был убит слѣдующим образом: Леодорскій взял его из дома, отвел через нѣсколько домов в сарай дома Райцына и застрѣлил), один из партизанских комиссаров, ухаживавшій за дочерью Козлова, барышней лѣтъ 16-17, именно Стрѣльцов, заявил, что он окажет содѣйствіе к спасенію матери, если она отдастся ему, и она вынуждена была этой цѣной купить спасеніе матери.

Информация Тряпичина не отвѣчает дѣйствительности. Утвержденіе его, что парламентар их Орлов был замучен и что это установила международная коммиссія — сплошная ложь. Напротив, коммиссія из русских и японских врачей свидѣтельствовала труп Орлова и установила, что кромѣ огнестрѣльных нѣскольких ран, на трупѣ никаких поврежденій не было. В коммиссіи этой участвовал, помню, из русских врачей доктор Бобров. Тряпичин был очень недоволен врачами за это заключеніе и акта этого свидѣтельствованія не опубликовал.

Добавлю: О том, что партизанами во время японскаго выступленія было перебито много русских под тѣм предлогом, что у них скрывались японцы и из их домов стрѣлили, я не только слышал, но знаю это на вѣрномъ. Так были убит: старик Ельцов, служившій конторщиком в О-вѣ «Взаимопомощь», сын его, молодой человекъ 17 лѣтъ, ученый лѣсовод старик Разночинцев, потом муж и жена чернорабочіе, фамиліи их не знаю, — нотаріус Козлов и много других.

Г. Николаевск на Амурѣ, іюля 22 дня, 1920 г.

Яков Гдаліевич Добисов.

Показаніе Абрама Монашировича Авшалумова:

Я был три с половиной года на русско-германской войнѣ. В семьѣ моей погибли два брата: Павел и Соломон; Павел убит на Налево, а Соломон в де-Кастри. Меня арестовали 23 мая. В 12 часов ночи пришло четверо вооруженных партизан и спросили, кто хозяин этого дома. «Жид живет?» Я сказал, что да. «Нужно сдѣлать у вас обыск». Попросили показать комнату. Начали дѣлать обыск. Первым дѣлом в карман пиджака забрались: там был портсигар серебряный с монограммой «А. А.» и надписью «На память», бумаги, расписки и паспорт. Открыли комод, стали рыть. Вещи были связаны, так как семью хотѣл отправить на Маго.

Когда перерыли корзины — из вещей ничего не взяли, а взяли 6 соболей, 2 выдры и 3 крестовика хороших и 63 т. денег сибирск. и кромѣ того надѣли на одного мое новое пальто. Когда это все забрали, один обращается к старшему: «Ну что дать ему расписку?» «Нѣт, он пойдет с нами». Я спросил: «куда меня ведете и за что?» — «Ведем к допросу». Жена стала плакать и просить меня оставить. «Что Вы плачете, что мы убивать его ведем что ли?»

Повели меня по улицѣ. На пути я встрѣтил других арестованных, которых вели партизаны. Привели в слѣдственную комиссію, в помѣщеніе Русско-Азиатскаго Банка, завели в директорскую и там начался допрос. Сидѣло здѣсь 11 человек, допрашивал Желѣзин.

Спрашивает: «Есть ли у меня братья?» Отв. «Брат есть, но уѣхал на Сахалин». Вопр. «Развѣ Вы не имѣете свидѣній о нем?» Отв. «Были слухи, что он убит». Желѣзин стал рассказывать, как убили старшаго брата и рассказал, что он был убит с тринадцатой пули.

Вопр. «А денег у него много было?» и Желѣзин пояснил, что у него было 385 тысяч. Вопр. «Как Вы смотрите на разстрѣл брата?» Я не мог ничего отвѣтить и только прослезился. Послѣ этого он же задал вопрос: «А что умирать не хочется?» «Смерть не страшна, если только за правду. Если я виновен — я в Вашем распоряженіи, если невиновен, умирать не хочется». Дальше были вопросы: «Чѣм занимаешься? Имѣешь свой дом?» и на отвѣты заключеніе Желѣзина: «Эксплоататор, зарабатывал нашими руками». Я не отвѣчал. Между собой начали разговаривать. «Если русскаго арестовываешь, он идет с удовольствіем, если жиды, то слезы». «Что его допрашивать», сказал Желѣзин, «слѣдует за братом». Затѣм он обратился с вопросом: «А кто Вас знает из нас?» Я объяснил, что знает товарищ Морозов. Позвонили в тюрьму Морозову. Отвѣт был: «Товарищ Морозов на береговых работах» (то есть на казнях). Желѣзин приказал вывести меня. Вывели в посѣтительскую. Меня караулили вооруженные браунингами. Снова начались допросы: Вопр. «Гдѣ живут остальные жиды?» Отв. «Жидов никого нѣт, всѣ арестованы». Вопр. «Если мужчины арестованы, гдѣ женщины и дѣти?» Отв. «Не знаю». Вопр. «Кто около Вас?» Какіе там дома жидовскіе?» Взяли книжку и записали. В домах никого не было. «Пойдем» — и меня привели в тюрьму. По дорогѣ один из них все спрашивал, есть ли у меня часы и гдѣ они находятся. Ввели в канцелярію. Я замѣтил, как в потайное окно выглянул Морозов и скрылся. Сдали меня под расписку начальнику тюрьмы Соплякову. Ключник повел в камеру. Шел через двор. Наткнулся на тѣло убитой женщины. Лежало их двѣ и один мужчина. Завели в камеру № 3, которая была битком набита; были здѣсь многіе знакомые.

Тяжело было в первую ночь, но вторая ночь была ужасна. Рассказывали, что из всѣх камер было много убитых. Обыкновенно рѣзны и избіеніе заключенных начиналась с 9-ти и до 2 ночи.

Около 10 зазвенѣл замок. Всѣ прыгнули с нар, всѣ сдѣлались, как сумасшедшіе. Открывается дверь, заходит четверо вооруженных партизан, а нѣсколько человек их осталось в корридорѣ. Партизаны были всѣ пьяны. В руках партизан был список. Начали читать.

«Починскій, выходи». Он вышел из камеры в корридор. Ему приказали: «раздѣвайся». Он раздѣлся, остался в одном бѣльѣ. «Ну, давай веревку, что канителишься». Подали кусок веревки, связали ему руки. Дверь камеры все время была открыта. Его толкнули в двери. Послышались страшные вопли, крики и стоны. Говорят, его взяли на штыки.

Когда мы услышали эти стоны, мы были как мертвецы. Нѣкоторые без сознанія лежали на полу.

Послѣ Починскаго еще взяли 12 человекъ. Их связывали и уводили, а что дѣлали с ними дальше, не знаю. Из них помню 3-х братьев Курбатовых, Карпенко, Хаймовича и, кажется, в их числѣ был и Верховод. Послѣ этого минуты через двѣ закрылись двери камеры. Насъ осталось 11 человекъ. Среди них Маримант, который все время стучал и просил пощады от них. Мы уговаривали его, чтобы он не стучал, и высказывали предположеніе, что может быть его и в спискѣ нѣтъ. Он не послушался. Тогда отворилась дверь, вошли партизаны и сказали: «А ты, жид, еще трусишь» и повели его. Судьбы его дальше не знаю. Это было около 2-х часов. Послѣ этого пришел помощник начальника тюрьмы и сказал: «Ну теперь ложитесь покойно спать». Но всѣ были в ужасѣ, с минуты на минуту ожидая смерти. Никто не мог произнести ни одного слова. Дождались утра. Днем стало нѣсколько легче. Звѣрства происходили не днем. Около полудня послышалась в корридорѣ какая то суета и женскій разговор. Нѣкоторые заинтересовались, кто пришел. Я постучал и попросил ключника разрешить сходить в уборную. Отворили; нѣсколько человекъ вышли. Мы спросили: «Что это арестованные?» Арестована была жена офицера Андреева и отравилась. За нею ухаживали женщины. Она лежала в камерѣ. Замѣтил семью Варжина (мать, дочь и невѣстку) и старушку Ламакину и многих других. Я спросил знаками, нѣтъ ли моей жены. Они также знаками отвѣтили, что нѣтъ. Ключник запер нас в камеру.

Минут через десять — двѣнадцать слышим, захрипѣл кто то у нас в камерѣ. Здѣсь лежал, мы думали, отдыхает — учитель Григорьев. Бросились к нему. Смотрим, у него изо рта желтая пѣна и его сводит судороги. Мы, нѣкоторые, говорили, что нужно отходить, а другіе говорили, что лучше ему умереть так, чѣм умереть от варварской руки. Не прошло пяти минут — он скончался. Мы постучали в дверь, ключник отворил. Мы сказали, что у нас один человекъ отравился и нужно послать за доктором. Ключник зашел, посмотрѣл и сказал: «Гдѣ сейчас найдешь доктора, его не найдешь». Вышел и запер нас на замок. Через двѣ минуты опять вошел ключник. «Ишь сдох, своей смертью не хотѣл умереть». Его унесли неизвѣстно куда. Послѣ этого наше самочувствіе стало еще хуже. Мы, десять человекъ, говорили о том, как бы покончить с собой. Осталось послѣ Григорьева пальто. Мы стали искать, нѣтъ ли в карманах яда — ничего не оказалось. Через час двух из нас вывели за обѣдом. Когда их выводили, помощник начальника тюрьмы говорил: «Вот с него сними ботинки, а с того (т. е. меня) пальто. Их все равно сегодня «укопают». Тот, из служащих телеграфной конторы, снял ботинки и отдал. — Я отвѣтил, что пальто не дам, что я его постилаю. «Когда меня убьют, тогда его возьмите». Часа два, во время обѣда, дверь у нас в камерѣ была открыта. Все что-то ходили начальник тюрьмы и его помощник. Наконец, начальник тюрьмы взял лист бумаги и стал всѣх нас переписывать. Он обратился ко мнѣ с вопросом: «Кто меня арестовал?» Я отвѣтил, что фамилій не знаю, а на лица могу указать. Он ушел. 25 мая в 1 час дня пришел начальник тюрьмы и сказал: «Выходите..... Вы свободны», обращаясь ко мнѣ и Пореву.

Когда меня довели до канцеляріи, я замѣтил на крыльцѣ стоят Морозов, Нисин и Макаров. Они мнѣ сказали: «Иди в слѣдственную комиссію, там тебѣ дадут удостовѣреніе, что ты выпущен из тюрьмы». Я упал в обморок и не помню, как меня вывели из тюрьмы. За оградой я очнулся. Морозов потихоньку сказал мнѣ: «скорѣе скрывайся». Я с большим трудом дошел до слѣдственной комиссіи. Мнѣ дали удостовѣреніе. Как я дошел до дома, не

помню. Помню только, что, когда я замѣтил, что окна дома закрыты, — я упал в обморок. Я думал, что у меня дома всё перебиты. Сколько времени я лежал — не помню. Опомнился я тогда, когда ко мнѣ подошли двое и назвали меня по имени. Это были мои рабочіе. Они повели меня и довели до дому. Было много слез. Мать лежала больной. На разспросы я не отвѣчал. Я узнал, что с помощью знакомых партизан семья моя уѣхала в деревню Таракановку.

Этот день я не выходил на улицу. На почтѣ же пригласил трех знакомых партизан. В 12 часов ночи к парадному крыльцу подѣхал автомобиль. Послѣдился сильный стук в двери. Я вскочил и стал просить партизан, чтобы они вышли вперед. Они спросили: «Кто там?» «Открывай, свои» — был отвѣт.

Когда они вошли, они спросили: «Хозяйка дома?» «Хозяйки нѣтъ, хозяйн дома» — отвѣтил партизан. Вошли: тот партизан, который меня арестовал, а второй был Стрѣльцов, замѣститель Тряпичина. Ничего не сказав, повернулись и ушли. Опять спать не пришлось.

Партизаны совѣтовали как можно скорѣе отправить мать и сестру. Партизаны эти помогли достать лодку, и я их отправил. Думая хотя бы с помощью Морозова, который совѣтовал бѣжать, сдѣлать это, я пошел по городу искать его. На дорогѣ я узнал, что жена моя арестована, но выпущена. Я возвратился домой и разспросил жену, как ее арестовали. Когда меня увели, тѣ же самые партизаны пришли снова и стали спрашивать у жены: «Гдѣ живут жиды?» Он отвѣчала, что жили там то, но что их никого нѣтъ.

Посидѣли они нѣкоторое время. Она стала плакать и просить, чтобы меня освободили. Они отвѣчали, что, если много будешь разговаривать, уведем и тебя. Она перестала плакать, а они продолжали разспрашивать, гдѣ вещи мужа, есть ли дождевик. Они с ним ушли и совѣтовали ей скорѣе бѣжать, в чем даже и помогли. Она уѣхала в деревню Таракановку, туда прѣехали партизаны на лодкѣ и стали дѣлать обыск. Из вещей взяли только два моих костюма, спросили, «гдѣ Ваш муж?» Отвѣтила, что муж был арестован. Они отвѣчали: «Ваш муж убит» и сказали ей «одѣвайся поѣдем с нами». Тогда она сказала «у меня дѣти». Они переписали имена и лѣта и сказали, что пусть дѣти останутся. «Если Вас не будет, то мы заберем трех, а маленькую оставим. До пяти лѣт она может забыть, а эти могут мстить». Она пошла и с нею мадам Кириллова с дочерью. С Таракановки версты полторы вели их пѣшком, а потом посадили на лодку и привезли на Куклу, гдѣ пробыли всю ночь, ожидая из города катера. Над женщинами много издѣвались, всю ночь ругались. Катер почему то запоздал и пришел в 4 часа. Один из партизан заявил: «Фарт Ваш, что катер не пришел ночью. Вас бы уничтожили, а днем мы не можем — у нас только ночью». Жена чувствовала себя полу-мертвой. Ее привели в слѣдственную комиссию, спросили имя мужа и чѣм занимается. Один партизан придрался, почему у нея пальто не такое, как у его жены. Говорили ей, зачѣм ей муж, можно найти и кромѣ него и так далѣе. Когда я посадил жену и отправил в Маго, я выпросил пропуск у Морозова и он дал. С большим трудом мнѣ удалось перевезти дѣтей на Маго. Возвратился я на второй день послѣ прихода японцев.

Г. Николаевск на Амурѣ, 18 іюля 1920 г.

Авалумов.

Позаніе Раисы Семеновны Аккерман:

«В Николаевск я приѣхала 24 марта, до этого момента я жила с мужем на принадлежащем нашей семьѣ приискѣ в Амгунской системѣ, — на приискѣ «Утесный», в ста верстах от Керби, 28 января утром раздался стук в двери нашего помѣщенія. Мы вскопили. Не успѣли мы одѣться, как к дому подѣхало 28 вооруженных партизан. Войдя в дом и наведя на меня с мужем револьверы, они потребовали: «Давайте оружіе, давайте золото». Муж попросил их войти в комнаты. Они повели нас, держа все время под дулом револьвера. Войдя в комнаты, они вновь потребовали золото: «Если не отдашь золото, тебя убьем, а жену изнасилуем на твоих глазах». Муж выдал им ключи от несгораемаго шкафа и они бросились его открывать. Замок был с секретом и они никак не могли его открыть. Началась руготня, угрозы. Так как, пытаюсь открывать, что то испортили, и шкафа не мог открыть и муж, они вынесли шкаф и повезли его на Керби. 18 человек из них остались, как они выразились у нас «гостить». Потребовали, чтобы я дала им ключи от погребов и угощала их.

Партизаны достали вина и началось пьянство. Обращаются ко мнѣ: «Почему у вас так мало женщин (женщин нас на приискѣ было четверо, — я, жена конторщика и двѣ прислуги), зови их. Ты у нас будешь играть первую роль». Я говорю, что не могу, что плохо себя чувствую. «Ну так и сиди и не двигайся с мѣста». Да, забыла сказать, что перед отъѣздом партизан с денежным шкафом, они объявили нам, что прииска пока не национализируются, что мы должны продолжать работать, а золото должно быть представляемо им. Должны были вестись еженедѣльные вѣдомости и еженедѣльно золото с этими отчетными вѣдомостями должны было посылать на Керби, гдѣ был главный комитет. На возраженіе моего мужа, что так нельзя вести дѣло, что у нас нѣтъ средств, что деньги они всѣ забрали, а что рабочим еще не выданы новогоднія награды, — они спокойно отвѣчали: «Ну это какнибудь устроится, а сейчас нам необходимы и золото и деньги». Перед отъѣздом они разспрашивали рабочих о мужѣ, о его отношеніях к рабочим, и так как отвѣты были хорошие, то его не арестовали. Обо мнѣ разспрашивали прислугу. **Уѣзжая, они велѣли прислугу передать нам: «Скажите им, их счастье, что у них образ висит».** — Почему? спросила прислуга. — **«А потому, всѣх жидов бьем».** Вскорѣ послѣ этого, несмотря на заявленіе, что прииска не национализированы, стали являться рабочіе, занимать шурфы и мыть золото для себя. Заняли наши помѣщенія, часть помѣстилась даже на кухнѣ в нашей квартирѣ. Жизнь создавалась невозможная. Не позволяли пользоваться плитой. Скажешь подать самовар, не дают, заявляют «мы будем пить теперь, а они в свое время попили».

14 февраля является посланный с Керби и передает мужу приглашеніе прибыть непременно 16-го в Керби на засѣданіе комитета. Мы немедленно выѣхали.

Тут же я узнала от одного татарина, только что вернувагося из исполнительнаго комитета, что засѣданіе кончилось и что всѣх золотопромышленников арестовали. Мужа я вскорѣ встрѣтила и за участ его на время успокоилась. На собраніи были арестованы слѣдующія лица: Кузма Иванович Забиров, Гаврил Федотович Попов, управляющій приисками Ельцова и Левашова, Михаил Михайлович Тырков, управляющій главными приисками Амгунской компаніи, Виндон Осип Осипович, управляющій дорожной дистанціей, Бутаревич, Антон Иванович, его помощник, Масюков, управляющій Ниманскими приисками, — других не помню. Мужа моего в этот день не арестовали, так как за него просили наш кучер и нѣкоторые кербинцы, и приказали ему придти на слѣдующій день. Оставался

он на свободу до 19 февраля. 18 февраля вечером приехал на Керби со своим горным партизанским полком Будрина. Часов в 8 вечера в этот день к нам в домик (мы жили в маленьком домишке, кругом нас, кроме китайских фанз, не было жилых помещений) вваливаются трое вооруженных партизан и заявляют, что по распоряжению Будрина занимают у нас комнату. Потребовали дать им поужинать. За ужином начали хвалиться своими подвигами и, между прочим, с радостью и смехом рассказывают о том, что им удалось разделиться с таким кровопийцем как Люри, убить его. Мне случилось дурно, когда они начали рассказывать подробности убийства, как они привязали несчастного к столбу и каждый партизан, подходя к нему стрелял в него, а некоторые не отказывали себя удовольствия и ткнули его штыком. «Что с ней?» Они не знали, что я родственница Люри. Муж объяснял, что я вообще очень болтливая и слабая.

«Ну, это у буржуев от их хлѣба бывают обмороки, но теперь на нашем народном хлѣба поправится». Покончив с ужином, потребовали приготовить им постель. Я предложила лечь в нашей комнате на нашей постели. Они поломавшись и поиздевавшись, заявили: «Ну, молодожены, идите спать, мы в столовой ляжем». Оставшись наконец, одна с мужем я дала волю слезам. Раньше плакать было невозможно. Муж, плача, сам начал успокаивать и утешать меня. Но в то же время прямо сказал мне: «Раз Будрин приехал, то я погиб». Ночь прошла вся в слезах. На утро вбегает один партизан и сообщает, что идет взводный, затѣм появляется взводный и кричит, что идет товарищ Боголюбский. Вваливается с шумом, звоном что то громадное в великолѣпной шубѣ, в высокой мѣховой шапкѣ, с револьвером в одной рукѣ и желѣзной нагайкой в другой. Наводит на нас револьвер. «Ни с мѣста» «Вы кто?» — «Аккерман». — «Золотопромышленник?» — «Да». — «Вы арестованы, уведите его». Я бросаюсь к мужу и кричу: «я меня берите вмѣстѣ». «Не беспокойте, и ты в свое время, а пока ты мне не нужна». Я прощаюсь с мужем, муж цѣлует меня, успокаивает. Боголюбский все время пронизывает. Мужа уводят. — «Предъявите вещи». Я показываю вещи, отдаю все цѣнное, что у меня с собою и говорю, что здѣсь так мало потому, что мы фикли сюда только на два дня, что все мои вещи на принскѣ «Утесном». «Как откровенно все сказано, а гдѣ же золото, которое вы закопали?» Отвѣчаю, что никакого золота не закапывали, что два самородка я отдала, а что золото на принскѣ и немного у мужа. «Гдѣ у мужа?» «В бумажничѣ». Начинает перебирать вещи. Кольца надѣвает себѣ на пальцы, начинает издѣваться, надѣвает мой чулок на руку: «Только буржуйки могут дойти до такого безстыдства», и т. д. Потом заявляет, что будет обыскивать меня. Я говорю, что отдала им все, что у меня было, что они могут меня убить, но что я не дам себя обыскивать. «Вы забываете, что вы всецѣло в моей власти». Потом вдруг: «ну к черту обыск, давайте обѣдать». Пришлось съест вмѣстѣ с ними обѣдать. Принесли откуда то массу водки, ханжи и всякаго вина. Началось пьянство. Боголюбский почти все время пил, но ничего не ѣл. По мѣрѣ того, как пьянѣл, становился все нахальнѣе. «Жаль арестовывать такую хорошенькую. Много ходил, много видѣл, но никак не думал здѣсь на принсках найти такую». Будь со мной ласковѣй, садись ближе, от меня много зависит» и т. д. в этом духѣ. «Какія у этих подлых буржуев красивые женщины». Я сидѣла забывшись в угол и когда он уж очень начал приставать крикнула: «убейте меня, все равно большего не добьетесь». «Вот как. А хотите, товарищи, броню между вами жребій, кому достанется».

«Вы арестованы», говорят мне. Я говорю «хорошо, ведите к мужу». «Нѣт, вы — домашним арестом». Я говорю: «Нѣт, ведите

в тюрьму». — «Не беспокойся, если и не домашним арестом, то и в тюрьмѣ у вас не будет дома свиданій, в разных камерах будете». И с этим ушел, оставив двух партизан меня караулить. Эти партизаны были совершенные мальчишки. Как только ушел Боголюбский (как я потом узнала, это был каторжник из Хабаровской тюрьмы), они тотчас бросились к столу и стали странно пить. Я сижу и реву, они не обращают на меня никакого внимания и продолжают пить. Наконец, я подошла к ним и обратилась с просьбой отвести меня на свиданіе с мужем. Они сначала вытарсили глаза, а потом махнули рукой и говорят: «Ну пойдём». Не успѣли мы отойти нѣсколько шагов от дома, как поавшийся навстрѣчу партизан сказал моим конвойным, что ведут арестантов, переводят с Веселой Горки на Главный принск. Меня тотчас же повели назад домой, так что мужа я могла увидѣть только в окошко. Партизаны опять начали пить. Наступил вечер. Часов в 10-11 появляется опять Боголюбский, совершенно пьяный, и опять начинает приставать ко мнѣ. «Сейчас иду разстрѣливать твоего мужа, теперь от тебя все зависит, хочешь спасти его так... Я говорю: «Убивайте меня, убивайте мужа, он все равно такой жертвы не примет». Передавать все, что он кричал мне, я не в силах. Наконец крикнув: «Я вернусь через 10 минут, ты меня жди... Ты будешь моей, будешь моей...» он ушел. Началась страшная ночь. Боголюбский не шел, значит разстрѣливает мужа... Он не пришел. На другой день, часов в 6 вечера, пришел какой то молодой человек и объявил, что по постановленію комитета я свободна.

Ко мнѣ подбѣжала моя горничная Вѣра, она привела меня в чувство и от нея узнала, что услышав о моем арестѣ, она приехала, пробралась к Будрину и выхлопотала мне освобождение. Партизаны, наконец, согласились оставить меня и ушли.

Послѣ этого я стала стараться получить свиданіе с мужем, но добиться его не могла. Тогда я рѣшила обратиться непосредственно к Будрину. Когда я вошла к Будрину, он встрѣтил меня со словами: «так это мадемуазель Капчан желала меня видѣть. Чѣм могу служить? Каким образом вы в этой труппѣ?» Я говорю ему, что я замужем за Аккерманом и спрашиваю о причинах моего ареста. «Аккерман, сейчас справлюсь по книгам, хотя, несомнѣнно, записей никаких не велось и книг никаких не было. Через секунду он вернулся и объявил мне, что я арестована за то, «что я получила образование за деньги, добытыя путем эксплуатации трудового народа».

Во время разговора моего с Будриным входит Гетман-Галоненко. «Здравствуйте. — Вы как сюда попали?» «Как все так и я». «Я вижу, что вы не здѣшняго поля ягоды» и дальше, обращаясь к Будрину, «Что же, Иван Александрович, намѣрен дѣлать с этой особой?» Будрин отвѣчает: «Да вот была арестована, а теперь освобождаем, горничная ее за нее поручилась, буржуйка, конечно, слѣдовало бы поучить».

«Ну вот и вспать двадцать пять», — говорит Галоненко. Будрин предлагает мне съест. Я сажусь и спрашиваю его о причинах ареста мужа. «А кто ваш муж?» «Как кто? Золотопромышленник Аккерман». «Этим, Раиса Семеновна, все сказано». — «Не знала говорю, что золотопромышленники такие преступники, тогда бы не вышла замуж». «Да кроме того и за активное выступленіе против большевиков в 1918 году». Потом: «Вае, вѣроятно, интересуется участіе г-на Люри, так знайте — он убит. Если хотите нѣсколько подробнѣе, то пожалуйста. Видите ли, он хотѣл бѣжать гдѣ то около Сахалина; наши партизаны окружили его. Тогда он вынул из кармана два миллиона рублей, предлагая освободить его, но наши партизаны не корыстолюбивы — им нужны были не деньги г-на Люри, а голова его». Затѣм смотря на меня, «так вот какое впе-

чатлѣнне произвело на вас это извѣстіе; от вашего прекраснаго лица осталась только матовая блѣдность».

Худяков Федор Гермогенович служил конторщиком в Амгунской компаніи. Будрин ранѣе служил в почтовой конторѣ. Послѣ произведенной растраты был осужден в тюрьму, отбыв наказаніе, служил дѣлопроизводителем у горнаго исправника, был потом арестован и содержался в Николаевской тюрьмѣ. Из Николаевской тюрьмы он бѣжал вмѣстѣ с другими комиссарами: Бебенным, Павличенко и Слѣповым и все время скрывался на пріискѣ Миронова.

На главном пріискѣ арестованных продержали дней семь. Содержались они в арестном домѣ. Состояніе арестованных с каждым днем становилось все ужаснѣе. Однажды в арестный дом явился Будрин и начал как он выразился, знакомиться. «А, г-н Аккерман, и вы здѣсь. Очень хорошо, вас на Керби давно ожидает товарищ». «Кто», спросил муж, «я никого не знаю». «Еремкин, с которым вы в 1918 году у Симадушки прятались. Ну, да теперь не 18-ый год, теперь вам всеѣм пора разгараживать заѣздки». Когда я послѣ этого посѣщенія увидѣла мужа, я не узнала его: он весь осунулся, появилось много сѣдыхъ волос. Он повторял одно, что скоро он будет разстрѣлян, и говорил мнѣ — «попроси только, чтобы поскорѣе». Должна сказать, что в арестном домѣ арестованных раздѣли, оставив в одном бѣлье. О том, что их повезут на Керби, я узнала совершенно случайно за нѣсколько часов до отправки. Будрин усиленно скрывал это. Я побѣжала к Будрину. «Правда, что арестованных отправляют на Керби» — «Правда». «Как же вы их повезете, вѣдь они совершенно раздѣты?» «Ничего, не замерзнут». Мужу мнѣ удалось достать шубу у одного китайца. Остальные поѣхали в чем были. Перемерзли дорогой всеѣ страшно. Нѣкоторые даже поотморозили руки. Послѣ долгих колебаній Будрин разрѣшил мнѣ поѣхать за мужем в Керби. И деньги и лошади были отобраны, и потому я добралась до Керби только благодаря участію мужика одного. Свиданіа с мужем Будрин мнѣ не разрѣшил. Я начала хлопотать об ускорѣннн слѣдствіи. Будрин долго тянул и наконец назначил на 13-ое февраля. В слѣдственную комиссію входили: Будрин Гетман-Галопенко, Кузнецов (служащій Амгунской компаніи), и Силин. Засѣданіе комиссіи было назначено в 8 часов вечера. Одновременно на тот же вечер был назначен бал в Народном Домѣ, на котором должны были обязательно присутствовать всеѣ кербинцы, и в особенности жены арестованных. Муж попросил разрѣшенія дать отвѣты устно. Будрин разрѣшил. Началось засѣданіе. Был освобожден и Еремкин, который дал письменные отвѣты. Когда его ввели, Будрин обратился к нему: «Если вы хотите спасти жизнь, пишите, кто был активным анти-большевиком в 1918 году». Еремкин написал нѣсколько фамилій, в том числѣ и фамилію моего мужа. «Ну идите, вы свободны, а Аккерман пойдет заѣздки городить». Ввели мужа. Будрин сразу набросался на него и стал кричать: «А ваше упрямство и здѣсь не оставляет вас». Муж хотѣл что то сказать. «Молчите, я не хочу вас слушать. Вы осуждены, подпишите». Муж подписал. «Уведите его». Муж был первым обвиненным. «Вы его больше не увидите». «Что же он будет разстрѣлян?» «Комментарій излишни, сказал вам, что вы его больше не увидите». Я ушла, слегла в постель, пролежала два дня.

19-го арестованных увезли с Керби. Сопровождала их 1-ая рота Будринскаго полка. На нашу просьбу дать проститься Гетман-Галопенко, оставшійся старшим послѣ Будрина, сначала отказал, заявив, что «это излишняя роскошь», но потом разрѣшил, «только скоро и без слез». Я успѣла всетаки поцѣловать мужа, чтобы он не безпокоился, что их повезут невредимыми до Николаевска.

На Личи арестованных привезли как раз во время японскаго выступленія. Узнав об этом выступленіи, комиссар приказал всеѣх разстрѣлять. Вывели 14 человек, хотя арестованных, не освобожденных в Керби, было только 8, считая и моего мужа, остальные были освобождены и препровождались только под надзором в Николаевск. Вывели, привели к высокому утесу. Арестованные уже готовились к смерти. Вдруг один из партизан заявил: «Почему мы разстрѣливаем 14, когда у нас нужно разстрѣлять только 8, поведем их назад». Все это он говорил совершенно спокойно, покуривая трубочку. Повели обратно. Это мнѣ рассказывал Долгополов, который был в числѣ этих 14. Будрин распорядился перевести всеѣх в Николаевск в реальное училище. Там, как я узнала от партизан, всеѣх ужасно били. Менѣе ста шомполов не дано никому. Из реальнаго училища их тотчас же послѣ избіенія повели в тюрьму. Потом мнѣ рассказывал партизан, видѣвшій мужа послѣ избіенія, что у него все тѣло было совершенно черное и что он был совершенно сѣдой, хотя ему было всего 26 лѣт. 23-го мая мужа с остальными повели на разстрѣл. Но муж мой и еще нѣсколько человек еще оказались ранеными только. Трое: муж мой, Еремкин и Земенков, когда ушли разстрѣливавшіе, доползли до завода Берманта и спрятались там. Их случайно замѣтил какой-то комиссар.

Их опять захватили и отвели в тюрьму, помѣстили в колодѣ. Поддержали их цѣлыя сутки. Когда их позвали обѣдать, муж мой, как рассказывал мнѣ партизан, сказал: «Обѣдать не пойдем мы, надѣемся до Амура мы и так дойдем». Вечером 24-го их разстрѣлял корейскій отряд, причем ему было дано приказаніе: если будут пробовать бѣжать, то мучить их 3-4 часа. Я пріѣхала в Николаевск как раз в этот день 24-го мая. Я тотчас бросилась к Будрину с просьбой о свиданіи (сестра сказала мнѣ, что муж болен, не рѣшившись сказать, что он разстрѣлян). Будрин отправил меня в слѣдственную комиссію. В слѣдственной комиссіи мнѣ отвѣтили, что дадут свиданіе, когда размотят дѣло. На другой день я пошла в тюрьму, и тут начальникъ тюрьмы сказал мнѣ: «Ваш муж далеко, не ищите его, а вот лучше возьмите этот сверток». В сверткѣ была рубашка мужа, его полотенце и его волосы и письмо.

г. Николаевск на Амурѣ, іюля 24 дня, 1920 г.

Раиса Семеновна Аккерман.

Показаніе Маріи Исидоровны Грош:

«Муж мой Карл Фридрих Генрихович Грош служил декларантом в фирмѣ Нобель. 1 января 1919 года он был призван на военную службу. (Был уполномоченным по охранѣ государственнаго порядка и общественной безопасности в Охотскѣ). Затѣм мы перѣехали обратно в Николаевск и) муж был назначен старшим адъютантом штаба крѣпости.

Когда было заключено соглашеніе с большевиками о сдачѣ города и большевики должны были 29-го февраля в 12 часов дня войти в город, муж мой в 9 часов утра в этот день отправился в штаб, чтобы, по распоряженію полковника, пригостить к сдачѣ большевикам свою часть (должна сказать, что большевиками тотчас послѣ соглашенія, еще до входа в город, был издан приказ, чтобы всеѣ оставались на своих мѣстах). Домой муж уже не вер-